Лукьянюк Ю. Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 131-133. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

глаголами и, следовательно, накладывает определенные ограничения на грамматическую структуру предложения. Это ограничение, в частности, выражается в невозможности использовать субстантивированный глагол в отрицательной форме.

Анализ случаев употребления глагола памяти «*васурэру* - забывать» показывает, что он также обладает способностью подчинять себе дополнительные предложения, выражающие как отвлеченные, так и конкретные понятия.

1. *Иссё-ни асондэ иру роботто дэ ару* ***но/кото****-о васурэру ходо датта.* - Совсем было забыл, что играл с роботом.

2. *Карэ-га рёко:-о таносиндэ иру ути-ни, суккари ясуми-га сугиру* ***но****-о васурэтэ симатта.* - Во время поездки он абсолютно забыл о том, что отпуск проходит.

В первом примере субстантиваторы «*но*» и «*кото*» взаимозаменяемы, т.к. ситуация может восприниматься и как конкретное действие «забыл, как играл с роботом», и как факт «забыл, что играл с роботом, (а, например, не с человеком)».

Во втором примере субстантивация может осуществляться только при помощи «*но*», поскольку семантика глагола «*васурэру*» включает в данном случае понятие «ощущать, чувствовать», что сближает ее с глаголами чувственного восприятия.

Рассмотренные примеры, характеризующие особенности функционирования субстантивных конструкций в условиях их возможного подчинения сказуемому главного предложения при помощи или одного или другого субстантиватора, подтверждают то, что синтаксическая конструкция предложения зависит от семантики главного предиката и интерпретации субстантивного комплекса с точки зрения конкретности или абстрактности. Синтаксические связи в предложении определяются также выбором субстантиватора, т. е. прослеживается влияние субстантиватора на значение главного предиката. Это подтверждает то, что субстантиватор сам по себе является речеобразующим элементом.

Список использованной литературы

1. **Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). - М.: Наука, 1976.
2. **Арутюнова Н. Д.** Глагол *видеть* в функции предиката пропозициональной установки. - http//www.auditorium.ru/ books/1768/ art3.pdf.
3. **Лаврентьев Б. П.** Практическая грамматика японского языка. - М.: Живой язык, 1998.
4. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Наука, 1985.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Лукьянюк Ю. Н.
Белорусский государственный университет

Философия, как самостоятельная наука, использует собственную специальную терминологию, отражающую понятия и явления, которыми опелирует эта научная дисциплина. Необходимо отметить, что философию нельзя рассматривать в отрыве от социальной жизни общества. Она находится с ним в значительно более тесной связи, чем другие терминосистемы. Терминология философских наук является ответвлением от терминологии общественных наук. “Общественные науки познают закономерности постоянно меняющейся социальной реальности; то или иное общественное явление, например, *капитализм*, *рабочий класс* (курсив наш) формируется постепенно во время исторического развития, вместе с тем происходит и его научное осмысление, отражающееся на уровне языка в отдельных закономерностях формирования термина” [Крючкова 1987: 45].

Изучение терминологической лексики является одной из важнейших задач лингвистики. В этом направлении уже немало сделано, однако некоторые терминологические системы и подсистемы еще не исследованы или исследованы недостаточно. Всестороннее исследование философской терминологии как системы возможно только в том случае, если сложить и проанализировать как терминологические подсистемы различных философских школ, так и термины отдельных философов (например, терминология экзистенциолизма или терминология диалектики Гегеля и т.д.). Такая стратегия обусловлена, в частности, тем, что неоднозначные подходы к решению основного вопроса философии в разные исторические эпохи иной раз приводили к неоднозначному, иногда даже противоречивому, пониманию ключевых понятий и категорий философии. Поэтому на каждом историческом этапе развития общества при философском переосмысления социальных явлений в понятийном содержании наблюдается семантический сдвиг, а некоторые терминологические наименования уступают свое место новым по форме терминам.

Особенного развития философская мысль в Беларуси достигла в XVI в., хотя в ренессансно-гуманистической мысли Беларуси XVI- XVII вв. не было идейного единства. Белорусский философ и историк С.А. Подокшин выделяет в ней три направления: радикальное реформационно-гуманистическое, умеренное реформационно-гуманистическое и атеистическо-гуманистическое [Подокшин 1990: 12]. Первое направление было представлено идеологами белорусской Реформации и частью оппозиции в православной конфессии (Якуб из Калиновки, Стефан Зизаний и др.). Большинство из них отрицательно относилось к античной философии, авторитетам теологии, схоластики, официального церковного учения. Социальной базой

второго направления (Франциск Скорина, Михалон Литвин, Сымон Будный, Лаврентий Зизаний и др.) было как протестантское, так и православное мещанское сословие. Умеренным гуманистам были характерны компромиссные формы сосуществования античной, средневековой и ренессансно-гуманистической культурно-философской традиции. Третье, атеистическо-гуманистическое направление (Казимир Лыщинский, Стефан Лован и др.) обращается к материалистической и атеистической мысли Античности и эпохи Возрождения.

Основателем ренессансно-гуманистического направления в белорусской философии был Ф. Скорина, который обосновал переосмысление традиционных концепций Бога, христианства, теологического осмысления мира. Для выражения своих философских взглядов первопечатник использовал определенные термины. В предисловиях и послесловиях Ф. Скорины к старозаветным книгам встречаются философские термины, которые употребляются в белорусском языке и сегодня, а также терминологические единицы, которые изменили свою семантику. В процентном соотношении можно выделить следующую градацию: 42 % от всех терминов, размещенных в издании "Слоўнік мовы Скарыны" В. В. Аниченко, сохранили свою структуру и смысловое наполнение (*вера, логика, душа, смерть, любовь, Бог* и др.); 46 % терминологических единиц в процессе формирования философской терминосистемы были заменены другими терминами, которые в плане значения переняли семантическое наполнение, характерное их эквивалентам со времен Ф. Скорины (*кривда* (*няісціна*)*, бег* (*час*)*, люд посполитый* (*народ*)); 12 % изменили свое семантическое наполнение в связи с развитием философской мысли (*мудрасць, розум*).

Формирование белорусской национальной терминологии как системы приходится на начало XX в., когда постепенно складывался новый литературный белорусский язык, который должен был обслуживать все сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим необходимо было развить и усовершенствовать существующую терминологическую лексику. С этой целью 10 февраля 1921 года была создана Научно-терминологическая комиссия. На ее базе в 1922 году был создан Институт белорусской культуры, в котором работали Е. Ф. Карский, С. Н. Некрашевич, П. А. Бузук и др. Результатом работы института стали 30 терминологических словарей. К примеру, в 11-ом выпуске "Беларускай навуковай тэрміналогіі" зафиксировано 168 философских терминов.

Развитию белорусской философской терминологии способствовали переводы с русского языка работ по философии, такие как перевод А. Романовского книги Б. Быховского "Очерк философии диалектического материализма" ("Нарыс філёзофіі дыялектычнага матэрыялізму") 1930 года издания. В работе было использовано около 500 философских терминов, которые условно можно разделить на три группы. В первую группу (17 %) вошли терминологические единицы, которые с развитием науки и терминологической системы философии были заменены другими терминами (*рассудак, дасьведчаньне, чыннасьць, няведы, панства ідэй* и др.), но при этом новые термины в плане значения переняли то семантическое наполнение, которое было характерно их эквивалентам в 30-е годы. Вторую группу (13 %) составляют термины, изменившие свою семантику в связи с изменением социально-политических реалий, когда в 90-е годы XX в. прекратилось "противостояние" марксиско-ленинской и буржуазной идеологий. В результате этого некоторые термины лишились идеологической окрашенности (детерминологизировались), утратили характерную им раньше оценочную, партийно-классовую окрашенность, обусловленную восприятием денотата через призму коммунистической идеологии (*эклектыка, эмпірызм, дуалізм* и др.). Третью группу (70 %) составляют термины, сохранившие и форму, и содержание (*вера, веды, вопыт, верагоднасць, час, прастора* и др.).

Заметный сдвиг в развитии белорусской философской терминологии произошел в 70- 80-е года, когда началась работа над "Беларускай Савецкай Энцыклапедыяй", в которую вошли статьи по философии написанные ведущими философами того времени (В. И. Горбач, Я. М. Бабосов и др.) и "Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы". В данных изданиях представлены 503 философские терминологические единицы. В 1970 году был подготовлен и издан "Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии", в котором зафиксировано 1770 философских терминов.

В 1990 году в Республике Беларусь был принят Закон об языках, который придал государственный статус белорусскому языку. В связи с этим произошел переход преподавания ряда дисциплин, в том числе философии в вузах и общественных дисциплин в школах, на белорусский язык, возникла потребность в белорусскоязычных терминологических словарях, учебниках и учебных пособиях. В период с 1994 по 2007 годы издаются учебники по философии для вузов ("Асновы філасофіі (курс лекцый)", "Філасофія: Кароткі курс лекцый" и др.), "Тэрміналагічна-тлумачальны слоўнік па філасофіі" А. А. Скикевича и В. С. Щура, научные статьи и монографии по философии на белорусском языке (Д. В. Ермолович "Пазнанне як мадэляванне рэчаіснасці (2001 г.)").

Основным источником формирования белоруской философской терминологической системы являются прежде всего лексические и словообразовательные средства национального языка (*выпадковасць, вынік, асоба, дабро, змест*). Большое количество философских терминологических единиц составляют наименования, в качестве ядерного компонента которых выступает свой термин. Так термин *адзінства* стал ядром терминологических словосочетаний: *субстанцыянальнае адзінства*, *атрыбутыўнае адзінства*, *генетычнае адзінства*.

Значительную часть философских терминов составляют заимствованные терминологические единицы из других языков. В белорусской философской терминологии в количественном отношении значительную

часть (35,9 %) составляют термины латинского и греческого происхождения (*аналіз, сінтэз, аналогія, анархізм, апалагетыка, геліяцэнтрызм, гомамарфізм, дыялектыка, ідэя*, *касмагонія, сінкрэтызм*, *феномен*, *філасофія*, *эсхаталогія, абсалют, аверaізм*, *індывід*, *індукцыя*, *інтуіцыя*, *перцэпцыя*, *рэгрэс*, *матэрыя*, *рэлятывізм*, *сцыентызм*, *суб'ект*, *субстрат*, *рэалізм*). Этот процесс стал следствием того, что философская терминология начала развиваться одновременно с древнегреческой философией.

Значительное влияние на развитие философии как науки оказала философия Нового времени (XVII-XVIII стст.) и классическая немецкая философия (вторая половина XVIII в.-начало XIX в.), поэтому заимствования из западноевропейских языков преимущественно составляют галицизмы и германизмы (*аптымізм, ідэалізм, казуістыка, манізм*, *песімізм, скептыцызм, эмоцыя, натурфілософія, махізм*, *гегельянства*, *кантыянства*).

В составе белорусской философской терминологии непосредственные заимствования из русского языка составляют 3,2 %: *ісціна, мысль, мысліцель, мысліць, канечнае, канкрэтнае, класавая барацьба, ленінізм, рабочы клас, распрадмечванне, талстоўства* и др.

В современной философской терминологической системе многие заимствованные термины выступают в качестве ядерного компонента многословных философских терминов. Количество специфических элементов, уточняющих смысл ядерного, может колебаться от двух до пяти и даже больше. Греческий термин ἰδέα (*ідэя*) стал ядром терминологических словосочетаний *ідэя цэласнасці быцця* и *ідэя "тэхналагічнага дэтэрмінізму"*; термин φιλοσοφος (*філасофія*) входит в состав следующих философских терминов: *філасофія гісторыі*, *філасофія культуры*, *філасофія лагічнага аналізу*, *філасофія навукі*, *філасофія тоеснасці* и др.

Из вышесказанного следует, что белорусская философская терминология прошла длительный и трудный путь становления. Необходимо отметить, что современная белорусская философская терминология нуждается в комплексном лингвистическом анализе. Вместе с тем, чувствуется острая потребность в создании энциклопедического белорусскоязычного словаря. Польза такого издания проявляется как в теоретических, так и в прикладных достоинствах: в необходимости осмысливать на родном языке философские концепции и развивать их; в преподавании философии на белорусском языке; в переводе на белорусский язык учебников, философских текстов с русского, немецкого, польского и других языков.

Список использованной литературы

1. **Крючкова Т. Б.** Особенности формирования и развития общественно-политической лексики. - М.: Наука, 1987. - 149 с.
2. **Падокшын С. М.** Францыск Скарына і станаўленне беларускай грамадска-філасофскай думкі ў XIV-першай палавіне XVII стст. // Скарына і яго эпоха / В. А. Чамярыцкі, В. І. Мялешка, З. Ю. Капыскі і інш.; рэд. В. А. Чамярыцкі. - Мінск: Навука і тэхніка, 1990. - С. 278-310.
3. **Тарасевич Т. М.** Особенности функционирования экономической терминологии в современном рекламном дискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. - Кемерово, 2007. - 25 с.
4. **Eucken R.** Die Geschichte der philosophische Terminologie. - Leipzig, 1879. - 226 s.

ЗАГОЛОВОК, ПОДЗАГОЛОВОК, ТЕКСТ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ: ПРАГМАТИКА СООТНОШЕНИЙ

Лютая А. А.
Волгоградский государственный педагогический университет

Соотношение заглавия, подзаголовка и текста газетной статьи в истории лингвистики привлекало внимание исследователей (Алисултанов 1985; Чекенева 1985; Домашнев 1989) в настоящее время интерес к вопросам, связанным с этой проблемой, не угасает (Лукин 1999, Романова 2001 и др.).

Заголовки являются, пожалуй, самой специфической частью газетного текста. По определению И. А. Сырова, заглавие на страницах газет представляет собой "коммуникативную единицу в позиции перед текстом, являющуюся его названием, имеющую синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающее на содержание текста и отграничивающее одно речевое высказывание от другого" [Сыров 2002: 59]. Потенциал заголовка можно приумножить, грамотно комбинируя заголовки и подзаголовки газетных публикаций. Подзаголовок, различный по своей структуре, характеризуется большей информационной емкостью по сравнению с заглавием, большой линейной протяженностью и предназначен для развертывания структуры газетного текста. Отметим тот факт, что оптимальным является сочетание, при котором заголовок выполняет следующие функции: привлечение непроизвольного внимания аудитории, формирование интереса аудитории к тексту статьи, формирование эмоционального отношения аудитории к новости или стоящей за ней проблеме, формирование убеждения или установки аудитории, запоминание новости аудиторией, а функцией подзаголовка при этом является донесение до аудитории четкой формулировки информационного сообщения. Однако на страницах газет встречаются и такие случаи, когда эта установка нарушается в целях создания приема экспрессии и подзаголовок уводит читателя от восприятия информации, заявленной в заголовке.

Не вызывает сомнения тот факт, что заглавие и подзаголовок неразрывно связаны с основным текстом газетной статьи. При рассмотрении понятия текста в настоящем исследовании важен прагматический аспект